

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.А. Борисов, Ю.В. Василенко

УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЦЕССАМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Постановка проблемы. Распад Советского Союза и поднятие «железного занавеса» поставили перед Российской Федерацией множество проблем, связанных с построением нового – открытого – типа общества, основанного на демократических ценностях. Часть этих проблем, как становится понятно сегодня, усложняется не только в силу живучести противоречивого наследия предыдущей эпохи, но и под воздействием общемировых тенденций, проявившихся в равной степени как в РФ, так и во всех других государствах, возникших на территории бывшего СССР. Новые общества, прилагающие огромные усилия к созданию собственной национальной идентичности, столкнулись с двумя тенденциями, имеющими разнонаправленный характер. Первая из них связана с тем, что сохраняющаяся по инерции советская идентичность не позволяет обретшим независимость и государственный статус национальным элитам быстро установить между своими государствами новые, в том числе идентификационные, границы с соответствующими маркерами. Все эти государства имеют значительную степень общности и взаимного проникновения. Вторая тенденция связана со становлением собственной идентичности новых государств, поисками их правящих элит своей индивидуальности в рамках всего мирового сообщества. Решение связанного со второй тенденцией блока проблем приводит к противопоставлению собственной идентичности не столько всему человечеству, сколько прежде всего своим ближайшим соседям, сходство с которыми является порой более определяющим, чем имеющиеся различия. Обе тенденции имеют своим фоном процессы глобализации, которые лишь обостряют существующие противоречия.

На «перекрестке» этих тенденций оказываются не только целые государства, но и отдельные регионы. Региональные же власти, которые, с одной стороны, имеют ограниченные возможности в области законодательной инициативы на общенациональном уровне и, с другой стороны, в крайне малой степени вовлечены в выработку общегосударственной политики, сталкиваясь с проблемами иммиграции непосредственно, вынуждены искать способы их решения самостоятельно. Их усилия ограничиваются поддержанием некоего баланса, насколько это позволяют имеющиеся средства.

* Исследования проводились на территории Пермского края под патронажем Отдела политики Администрации Пермского края и С.В. Неганова, в частности, а также при финансировании РГНФ: РГНФ 05-03-82-303 а-У, 2005 г. «Этнокультурная адаптация иммигрантов в Пермской области»; РГНФ №06-03-82301 а/У, 2006 г. «Этнический бизнес в жизнедеятельности мигрантских сообществ Пермской области»; РГНФ №07-03-82310 а/У, 2007 г. «Социальная структура иммигрантских общин в Пермском крае: сравнительный анализ».

Пермский край – регион, где этнокультурная политика проводится достаточно успешно, что не означает, конечно же, отсутствия в этой сфере серьезных проблем. В статье мы рассматриваем этнокультурную политику как продолжение иммиграционной. Этнокультурная политика как таковая, конечно же, более широкое понятие. При этом управление в этнокультурной сфере понимается как создание условий для развития тех или иных тенденций в общественном развитии.

Три уровня интеграции иммигрантских сообществ. Иммигрантские сообщества Пермского края имеют различное происхождение. В той или иной степени в крае представлены все этнокультурные группы бывшего Советского Союза, однако далеко не все из них имеют стремление к внутренней организации и институционализации. Подобное «отношение к себе» связано с несколькими факторами: с общим количеством иммигрантов и их дисперсностью в Пермском крае; наличием крупных социальных страт, имеющих общие интересы в какой-либо сфере общественной жизни; уровнем осознания собственной этнокультурной идентичности; степенью совместимости этой идентичности с идентичностью большинства местного сообщества (в данном случае – русско-православного); степенью виктимизации этой идентичности; наличием положительных или отрицательных стереотипов в общественном сознании местного сообщества; и, наконец, общегосударственной политикой в отношении тех или иных государств или регионов, поставляющих иммигрантов. Одни иммигрантские сообщества успешно интегрируются в местное сообщество, даже не успевая заявить о себе институционально (прибалтийские этничности), либо эти заявления не находят широкого отклика в среде прежде всего самого иммигрантского сообщества (белорусы, украинцы). Другие же, наоборот, в процессе интеграции сталкиваются с трудностями, в результате чего их достаточно яркая этнокультурная идентичность начинает консервироваться и противопоставляться идентичности местного сообщества.

Мы ограничимся рассмотрением процессов интеграции лишь тех иммигрантских сообществ Пермского края, которые заявили о себе институционально, являются активными участниками общественной жизни во всех ее сферах, имеют тенденции к росту и внутренней консолидации и в какой-то период своего развития по тем или иным причинам считаются «проблемными»: азербайджанского, чеченского, таджикского, армянского и китайского. Необходимо подчеркнуть, что далеко не все из названных иммигрантских сообществ обладают перечисленными характеристиками. В некоторых сообществах эти характеристики выражены не в полной мере. В любом случае их набор всегда индивидуален. Особого пояснения требует включение в состав иммигрантских чеченского сообщества¹.

Можно выделить три уровня интеграции иммигрантских сообществ.

Первый уровень достигается на *этапе механической интеграции*, на котором иммигранты получают новое гражданство со всеми его формальными атрибутами (права, свободы, жилье, работа и т.д.). Тем не менее они, как правило, сохраняют свою прежнюю идентичность и проводят четкую границу между «мы» (соплеменники) и «они» (принимающее сообщество). Данный этап интеграции является наиболее сложным: иммигрант на принципиальном уровне определяет дальнейшую стратегию интеграции – пойдет ли он дальше по этому пути или навсегда останется на новой родине чужаком. Очевидно, что на принятие решения влияют не только внутренние, субъективные, установки, но и внешние, объективные, обстоятельства.

Второй уровень соответствует *этапу органической интеграции*, основное содержание которого заключается в обретении новой, в нашем случае – российской, идентичности.

Иммигранты учат язык, без проблем возвращаются в новом сообществе, имеют профессиональные достижения, приобретают собственность, рожают детей (иногда полукровок) и в целом начинают чувствовать себя в новом сообществе так же свободно и комфортно, как и у себя на родине. Основная проблема их заключается в сочетании прежней и обретенной идентичности. Если между ними не наблюдается серьезных противоречий, то мы можем говорить о том, что иммигрант интегрировался успешно. Как правило, данный уровень легко достигается теми иммигрантами, которые в этнокультурном и расово-антропологическом отношении близки к принимающему их сообществу. И, наоборот, наличие противоречий между двумя идентичностями не позволяет достигнуть второго уровня. Если внешне иммигрант обнаруживает «стеклянный» потолок в своем развитии и окружающие видят в нем иностранца, чужака, а в душе он понимает, что не способен принять все установки нового сообщества, то процессы интеграции затормаживаются. Иммигранты, не достигшие второго уровня интеграции, склонны воспроизводить «родную» идентичность во втором, а при определенных обстоятельствах – и в третьем поколении, консервируя ее и обособляя от окружающего мира.

Третий уровень возможен на *этапе полной интеграции*, когда иммигрант и его потомки полностью растворяются в новом сообществе, забывая о собственном происхождении и утрачивая «родную» идентичность окончательно. Факторы, определяющие достижение этого уровня идентичности, производны от факторов, которые определяют достижение второго уровня интеграции. В нашем случае говорить о том, что иммигранты, приехавшие в РФ в течение последних лет, интегрировались полностью, не приходится, если их этнокультурная идентичность не совпадает с местной (т.е. если они изначально не имели славянской и православной идентичности), а расово-антропологическая специфика является очень яркой.

Сегодня большинство иммигрантов, приехавших в Пермский край из неславяно-православных регионов РФ, находятся между первым и вторым уровнем интеграции: приобрели формальную принадлежность к российской гражданской нации, но не обрета еще в достаточной степени российской идентичности. При этом советское наследие как один из основополагающих факторов интеграции иммигрантов, являющихся выходцами из бывших советских республик, улечивается с молниеносной быстротой. По мере того как в РФ вырастает поколение, не помнящее советские времена, схожие процессы усиливаются и в остальных некогда братских республиках. И вся история последних лет указывает на то, что уповать на этот фактор сегодня все более бесполезно. Необходимо, таким образом, *создать более эффективные модели этнокультурной политики, которые бы позволили найти новый «общий знаменатель» между местным и иммигрантскими сообществами*. Мы должны выявить оптимальные механизмы обеспечения наибольшей степени интеграции иммигрантских сообществ, которые могут быть востребованы государственными органами власти с различными полномочиями.

Модели интеграции иммигрантских сообществ. Рассматривая специфику процессов интеграции иммигрантских сообществ в местное – в основе своей русско-православное – сообщество и находя общее и особенное в этих процессах, мы попытались построить модели интеграции, которые можно использовать для всех иммигрантских сообществ, имеющих родственные этнокультурные идентичности. Для Пермского края мы предлагаем *три идеально-типические модели интеграции иммигрантских сообществ*:

- 1) *мусульманскую* (в той или иной степени характерную для всех мусульманских иммигрантских сообществ),
- 2) *христианскую* (в той или иной степени характерную для всех христианских иммигрантских сообществ),

3) *китайскую* (в той или иной степени характерную для всех дальневосточных иммигрантских сообществ)².

При создании данных моделей мы учитывали динамику процессов иммиграции и иммиграционные намерения каждого из сообществ, специфику трансформации их этнокультурной идентичности, характер деятельности формальных и неформальных организационных структур, а также характер их взаимодействия с местным сообществом. Все они предполагают существование общей, в той или иной степени свойственной всему иммигрантскому сообществу, стратегии интеграции³. Эти модели могут быть представлены схематично:

Таблица 1

Показатель	Мусульманская модель интеграции сообщества		
	азербайджанского	чеченского	таджикского
1	2	3	4
Специфика процессов иммиграции и иммиграционных намерений			
Динамика иммиграции	Большое численное превосходство новых иммигрантов над старыми	Большое численное превосходство новых иммигрантов над старыми	Большое численное превосходство новых иммигрантов над старыми
Причины иммиграции	Социально-экономические, беженцы, женитьба, распределение	Социально-экономические, беженцы, женитьба, распределение	Социально-экономические, беженцы, женитьба, распределение
Намерение вернуться на родину	Сохраняется, но едва ли осуществимо	Сохраняется, но едва ли осуществимо	Сохраняется, но едва ли осуществимо
Причины выбора Пермского края	Социально-экономическая стабильность, случайность	Социально-экономическая стабильность, случайность	Социально-экономическая стабильность, случайность
Характер проблем с получением гражданства РФ	Решаемые проблемы	Критические, но решаемые	Критические проблемы
Численность	Около 50 тыс. человек с тенденцией к росту	Около 1 тыс. человек без тенденции к росту	Около 3,5 тыс. со слабой тенденцией к росту
Проблемы этнокультурной идентичности			
Групповая этнокультурная специфика	Сохранение баланса с подчеркиванием положительных качеств	Сохранение баланса с подчеркиванием положительных качеств	Подчеркивание положительных качеств религиозного характера
«Пермская специфика»	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Культурные связи с родиной	Прочные, без тенденции к ослаблению	Прочные, без тенденции к ослаблению	Прочные, без тенденции к ослаблению

1	2	3	4
Религиозность	Отчетливо выраженная с некоторой тенденцией к ослаблению (у госслужащих очень слабо выраженная)	Отчетливо выраженная, без тенденции к ослаблению (у госслужащих очень слабо выраженная)	Отчетливо выраженная без тенденции к ослаблению
Смешанные браки и семейный уклад	Норма для мужчин, почти не осуждаются, запрет для женщин	Норма для мужчин, почти не осуждаются, запрет для женщин	Норма для мужчин, почти не осуждаются, запрет для женщин
Владение русским языком	Среднее, приемлемое	Среднее, приемлемое	Слабое
Деятельность формальных и неформальных организационных структур			
Неформальные ОС	Постепенно утрачивают свое значение	Сохраняют свое значение	Сохраняют свое значение и поддерживаются
Формальные ОС: этнокультурные общественные организации	Сложилась, но имеют альтернативы	Не сложились	Сложилась, но не закрепились
Политические институты	Не работают	Не работают	Не работают
Предпочтительная модель иммиграционного законодательства	Либеральная	Не актуально	Либеральная
Характер взаимодействия с местным населением			
Отношение местного населения к иммигрантским сообществам	Негативное	Негативное	Крайне негативное
Отношение иммигрантских сообществ к местному населению	С принципиальными претензиями	С принципиальными претензиями	С принципиальными претензиями
Столкновения с русскими националистами	Не имеют серьезных последствий, но не могут быть предупреждены	Не имеют серьезных последствий, но сохраняются в перспективе	Имеющие место и неизбежные в перспективе
Социальные прослойки	Средние и мелкие предприниматели, интеллигенция, общественники (как специфическая группа)	Мелкие предприниматели, госслужащие, общественники (как специфическая группа)	Мелкие предприниматели, легальные и нелегальные рабочие, общественники (как специфическая группа)

1	2	3	4
Социальное происхождение общественных деятелей	Интеллигенция с ограниченным влиянием	Мелкие предприниматели с ограниченным влиянием	Мелкие предприниматели с ограниченным влиянием
Господствующий уровень интеграции	Первый уровень: механическая интеграция, имеющая слабо выраженную тенденцию к развитию	Первый уровень: механическая интеграция, имеющая слабо выраженную тенденцию к развитию	Первый уровень: механическая интеграция, не проявляющая тенденции к развитию

Таблица 2

Показатель	Христианская модель интеграции	Китайская модель интеграции (для первого поколения)
1	2	3
Специфика процессов иммиграции и иммиграционных намерений		
Динамика иммиграции	Небольшое численное превосходство новых иммигрантов над старыми	Только новые иммигранты при отсутствии понятий «новые» и «старые»
Причины иммиграции	Распределение, женитьба, социально-экономические, беженцы	Социально-экономические
Намерение вернуться на родину	В известной степени сохраняется, хотя во многом и осуществимое	Четко выраженное и осуществимое
Причины выбора Пермского края	Случайность, социально-экономическая стабильность	Социально-экономическая стабильность
Характер проблем с получением гражданства РФ	Решаемые проблемы	Отсутствие проблем в принципе
Численность	Около 5 тыс. человек с тенденцией к росту	До 500 человек без тенденции к росту
Проблемы этнокультурной идентичности		
Групповая этнокультурная специфика	Сохранение баланса со спокойным отношением к отрицательным качествам	Примитивизация и апелляция к «очевидному»
«Пермская специфика»	Отсутствует	Отсутствует
Культурные связи с родиной	Прочные со слабой тенденцией к некоторому ослаблению	Неразрывные для первого поколения
Религиозность	Нечетко выраженная без тенденции к усилению	Не проявляется
Смешанные браки и семейный уклад	Норма для мужчин и женщин, не осуждаются и почти приветствуются	Крайне редко, приветствуются
Владение русским языком	Хорошее, часто без акцента	Плохое

1	2	3
Деятельность формальных и неформальных организационных структур		
Неформальные ОС	Имеют небольшое значение, которое быстро утрачивается	Имеют очень небольшое значение, но без перспективы утраты
Формальные ОС: этнокультурные общественные организации	Сложились, но трансформируются в соответствии с решением несвойственных им задач	Не сложились в полной мере, имеют ограниченный круг задач
Политические институты	Проявилось стремление к политическому представительству, но под общесоциальными лозунгами	Не работают
Предпочтительная модель иммиграционного законодательства	Отсутствует, реальные институциональные решения	Безразлично какая
Характер взаимодействия с местным населением		
Отношение местного населения к иммигрантским сообществам	Нейтральное	Нейтрально-негативное
Отношение иммигрантских сообществ к местному населению	Без принципиальных претензий	Соглашательство
Столкновения с русскими националистами	Отсутствуют	Отсутствуют
Социальные прослойки	Крупные, средние и мелкие предприниматели, интеллигенция, госслужащие	Профессионалы, рыночные торговцы, студенты
Социальное происхождение общественников	Крупные и средние предприниматели с растущим влиянием, замалчивающие свой статус общественников	Отсутствие общественников
Господствующий уровень интеграции	Второй уровень: органическая интеграция	Интеграция отсутствует (для второго поколения – третий уровень: полная интеграция)

Из таблиц следует, что на сегодняшний день мусульманские иммигрантские сообщества Пермского края находятся на первом (механическом) уровне интеграции, хотя и проявляют некоторые признаки его преодоления, христианские иммигрантские сообщества – на втором (органическом) уровне интеграции, китайское иммигрантское сообщество в первом поколении в основной не достигает даже первого (механического) уровня интеграции.

Социальная стратификация иммигрантских сообществ. В процессе интеграции указанных иммигрантских сообществ проглядываются две фундаментальные тенденции – к консервации и репрезентации этнокультурной идентичности и к поступательной интеграции, сопровождающейся некоторым стиранием этнокультурных граней

между иммигрантскими и местным сообществами. И если выразителем первой тенденции в основном является этническая интеллигенция, то выразителем второй – этнические бизнесмены и госслужащие. Соответственно, главенствующая роль той или иной социальной страты в иммигрантском сообществе в перспективе способна замедлить или ускорить процессы его интеграции, а внешняя поддержка, прежде всего со стороны властей, их деятельности позволяет влиять, а в какой-то степени и управлять процессами интеграции каждого иммигрантского сообщества.

Социальные характеристики каждой страты дают возможность представить обе тенденции более четко. Так, социальные характеристики *этнической интеллигенции*, рассмотренные нами сквозь призму трансформации ее этнокультурной идентичности, специфики деятельности формальных организационных структур и характера взаимодействия с местным сообществом, позволяют заключить следующее. В силу своей общей культуры и высокого образования этническая интеллигенция является достаточно глубоко интегрированной в местное сообщество, несмотря на то что большинство ее представителей сохраняют практически полный набор культурно-цивилизационных черт своего сообщества, причем не столько на интуитивном, сколько на рефлексивном уровне, и являются принципиальными сторонниками их поддержания, сохранения и культа даже во враждебном социальном окружении. Поэтому этническая интеллигенция крайне болезненно переживает усиливающуюся в ее душе и сознании отчужденность от своих исторических корней. Все это порождает в ее ментальности этнической интеллигенции фундаментальное противоречие: будучи глубоко интегрированной в местное сообщество, ее представители избирают социально-политический дискурс, способствующий воспроизводству этнокультурной идентичности в рамках родного иммигрантского сообщества не только в первом поколении, но и во всех последующих. В целом это препятствует достижению соответствующего уровня интеграции другими представителями данного иммигрантского сообщества, а следовательно, в перспективе создает проблемы и для самой этнической интеллигенции.

Если же этническая интеллигенция возглавляет этнокультурные общественные организации, то она стремится к этнокультурной мобилизации своего иммигрантского сообщества, несмотря на естественные процессы интеграции, переживаемые в той или иной степени всеми иммигрантскими сообществами, а также на недостаток у нее материальных средств, необходимых для поддержания и ведения подобного рода общественной деятельности. Если же этническая интеллигенция по каким бы то ни было причинам оказывается неспособной возглавить этнокультурные общественные организации, то она начинает всячески их сторониться и весьма жестко критиковать общественные усилия представителей других социальных страт иммигрантского сообщества, подчеркивая их низкий культурно-образовательный уровень, а также то, что общественные организации используются в интересах их лидеров и вообще «не по назначению». В итоге этническая интеллигенция выступает в двух достаточно противоречивых качествах. Она либо является собирателем иммигрантского сообщества и исподволь стремится к его обособлению от местного сообщества, что в перспективе может спровоцировать серьезные противоречия между пришлым и местным населением, либо, наоборот, выполняет функцию посредника и организатора коммуникации между иммигрантами, нуждающимися в позитивном позиционировании на новой родине, и местным населением, нуждающимся в услугах высококвалифицированных специалистов вне зависимости от их этнокультурного и религиозного происхождения.

Анализ социальных характеристик *этнических госслужащих* показывает, что они не нуждаются в этнокультурных общественных организациях, а порой и принципиально сторонятся их деятельности. Несмотря на то что степень независимости госслужащих из разных этнокультурных сообществ различна, все они примерно с одинаковым успехом налаживают конструктивные отношения с местным сообществом и демонстрируют сопричастность его проблемам. Причем чеченские госслужащие значительно глубже осознают «общечеченские задачи», связанные с реабилитацией чеченского сообщества как такового после «чеченских войн» и волн терроризма, чем все остальные, не имеющие столь негативного шлейфа, связанного с именем их этнокультурного сообщества.

В случае с этническими госслужащими беспокоит другое. Их пример демонстрирует важность тех позиций, которые занимает в отношении иммигрантских сообществ в целом местное сообщество, которое является во всех указанных процессах не менее активным актором. Даже самые яркие примеры интеграции иммигрантских сообществ могут потускнеть благодаря сопротивлению местного сообщества.

Структура этнических бизнесменов как отдельной страты значительно сложнее предыдущих. «Этнический бизнес» – это особые бизнес-структуры, созданные иммигрантами на собственные средства и производящие товары и услуги, имеющие этнокультурную специфику. Этнический бизнес имеет несколько социально различных уровней:

Мелкий этнический бизнес – это бизнес-структуры иммигрантов-предпринимателей, основанные в первую очередь на семье, включающий близких друзей, как правило, земляков, отношения с которыми можно назвать неформальными, и связанные с рыночной торговлей, мелким производством, ручным трудом или извозом. Этот бизнес остается этническим в силу приверженности рыночной конъюнктуре, вследствие чего его перекалфикация с этнокультурных товаров и услуг на так называемые «общесоциальные» может быть лишь временной или сезонной.

Средний этнический бизнес – это фирмы и предприятия, количество работников в которых может достигать 15-20, причем многие из них могут иметь иную, чем у хозяина, этничность. Постепенно он переходит за рамки собственно этнического бизнеса, поскольку сохранить этнокультурную специфику в таких сферах, как гостиничный бизнес, торговля, мелкое строительство и автосервис, достаточно сложно. Можно говорить и о достаточно высоком уровне интеграции средних этнических бизнесменов, стоящих во главе соответствующих фирм и предприятий и являющихся их собственниками.

В Пермском крае в организации среднего этнического бизнеса сегодня участвуют лишь два этнокультурных иммигрантских сообщества – азербайджанское и армянское; причем их составляют большинство иммигрантов в первом поколении. Все остальные этнокультурные иммигрантские сообщества в основном не преодолели уровня мелкого этнического бизнеса.

Если основной модус мышления и поведения азербайджанских и армянских средних предпринимателей – «классический буржуазный», т.е. основанный на индивидуализме, независимости и безграничном трудолюбии, и они принципиально нацелены на интеграцию; то азербайджанские, чеченские и таджикские мелкие предприниматели образуют колеблющиеся и непостоянные группы, что делает эту прослойку очень хрупкой в смысле интеграции. Поэтому и этничность их бизнеса – величина постоянная, преодоление которой в ближайшей перспективе не предполагается. Между тем мелкие

этнические бизнесмены также воспринимают очень многие установки местного сообщества, постоянно отслеживают спрос на те или иные товары, находятся в курсе моды на технику и т.д. Будучи в некоторых этнокультурных иммигрантских сообществах элитой, они являются наиболее культурной их частью, относительно хорошо владеющей русским языком и часто становящейся посредниками между местным и собственными сообществами.

Сопоставление вариантов развития мелкого и среднего этнического бизнеса в городе Перми позволяет утверждать, что мелкий этнический бизнес является наиболее «слабым звеном» в социальных структурах иммигрантских сообществ, он более зависим от этнокультурных общественных организаций и подвержен наибольшим рискам при установлении отношений с местным сообществом. Уровень благосостояния мелких этнических бизнесменов крайне невысок; отсюда и невнимание к их потребностям со стороны местных властей. Крайне неудовлетворительные условия даже для близких в цивилизационном отношении иммигрантских сообществ заставляют мелких этнических бизнесменов вступать в отношения с криминальным миром. Несмотря на то что средний этнический бизнес выглядит, судя по большинству показателей, более благополучно, чем мелкий, его представители также вызывают неприязнь со стороны местного сообщества, что препятствует их интеграции и не позволяет преодолеть уровень этнического бизнеса как отрасли экономики.

В ходе исследования выявлена социологическая закономерность: *чем выше уровень интеграции этнических бизнесменов в местное сообщество, тем медленнее протекают процессы интеграции, постепенно затухая*. Складывается впечатление, что наиболее сложным этапом интеграции оказывается последний, а первые при всей их болезненности для этнокультурной идентичности представляются относительно более простыми и легкими. Следование подобной логики позволяет утверждать, что полная интеграция этнических бизнесменов невозможна в принципе. Однако признанию этой логики мешает то обстоятельство, что мы имеем дело лишь с иммигрантами в первом поколении, которые обладают определенной цивилизационной и антропологической спецификой и для которых интеграция, действительно, имеет ряд ограничений. Распространится ли данная закономерность на всех представителей этнического бизнеса, являющихся иммигрантами во втором и даже третьем поколениях, сегодня сказать нельзя. Нам известны лишь несколько случаев интеграции армянских средних предпринимателей, достигшей предельного уровня во втором поколении. Учитывая влияние религиозного фактора и цивилизационную чужеродность мусульманских предпринимателей, мы не можем распространять эту логику на всех средних этнических бизнесменов, являющихся иммигрантами во втором поколении.

Выявленную закономерность также подтверждает тот факт, что в Пермском крае не было организовано ни одного крупного этнического бизнеса в полном смысле этого слова. Армянский крупный бизнес не имеет черт этнического, поскольку все известные армянские крупные предприниматели не создавали свои бизнес-структуры «с нуля» и на собственные средства, они стали лишь их собственниками в процессе приватизации или последующего перераспределения собственности. Вместе с тем если основываться на деятельности армянских крупных бизнесменов, то можно предположить, что процесс превращения среднего этнического бизнеса в крупный будет сопровождаться изменениями в структуре и менталитете последнего, связанными со становлением этнического бизнеса уже не столько как социально-экономического или этнокультурного, сколько как политического феномена.

Выход этнического бизнеса на политическую арену региона заставляет изменить к нему отношение местных властей, которые, контактируя с ним, сталкиваются с серьезным противоречием. С одной стороны, власти всех уровней заинтересованы в интеграции этнических бизнесменов, что обеспечивается укрупнением их бизнес-структур и правовой защитой от криминальных нападков; с другой стороны, укрупняющийся этнический бизнес на определенной ступени своего развития (армянский вариант) приостанавливает процессы интеграции и выходит в политическую сферу. Поведение властей в обоих случаях является разнонаправленным: в первом случае власти содействуют развитию этнического бизнеса, во втором – негласно препятствуют ему. Поскольку трансформация этнического бизнеса происходит для властей исподволь и незаметно, очень часто они просто не успевают корректировать свою политику, в результате чего она может выглядеть как противоречивая и непоследовательная.

В настоящее время в рамках иммигрантских сообществ происходит становление новых социальных структур, причем эти процессы отмечаются как в «новых» иммигрантских сообществах, появившихся в Пермском крае после распада СССР, так и в «старых», которые существуют здесь на протяжении длительного времени. Речь идет о так называемых *этнических общественниках*, которые, с одной стороны, являются выходцами практически из всех социальных страт иммигрантских сообществ; с другой – постепенно превращаются в отдельную, особую, социальную страту, обладающую специфическими модусами мышления и поведения. Если мы сравним общественников всех исследуемых нами «новых» иммигрантских сообществ (азербайджанцев, чеченцев, таджиков, армян и китайцев) с общественниками «старого» для Пермского края иммигрантского сообщества – корейского, то обнаружим, что «возраст» иммигрантского сообщества для становления этнических общественников как особой социальной страты во всех иммигрантских сообществах принципиального значения не имеет. Модусы мышления и поведения этнических общественников практически идентичны, что говорит об общности их интересов «как класса».

Анализ деятельности этнических общественников позволяет выявить и роль общественных организаций в процессе интеграции иммигрантских сообществ. Отсюда, взаимодействие этнических интеллигенции, госслужащих, бизнесменов и этнических общественников является одним из ключевых показателей консолидации любого иммигрантского сообщества. Так, отношения «интеллигенция – общественники» имеют более гармоничный характер, поскольку цели обеих страт при определенных условиях могут совпадать. Отношения «госслужащие – общественники» отличаются наибольшей сложностью, поскольку страты занимают прямо противоположные позиции по вопросу о перспективах интеграции в местное сообщество. Отсюда и коммуникационный разрыв между ними является наиболее критическим. Отношения же «бизнесмены – общественники» имеют противоречивый характер. Мелкие бизнесмены действуют в соответствии с логикой, предлагаемой им общественниками, которые обещают предельно разнообразный спектр весьма необходимых мелким бизнесменам форм содействия и поддержки. Средние бизнесмены уже тяготеют общественной деятельностью, оборачивающейся для них, как правило, дополнительными и не всегда оправданными расходами. Крупные бизнесмены, весьма мало представленные в Пермском крае, норовят перетянуть все «одеяло» общественной деятельности на себя и практически вытолкнуть «чистых» общественников из общественной деятельности. В итоге крупные этнические бизнесмены оказываются в двусмысленной ситуации: стремясь к предельной интегра-

ции в местное сообщество, они неожиданно для себя начинают исповедовать прямо противоположные интересам своего бизнеса идеи.

Основные выводы. Различные социальные страты иммигрантских сообществ характеризуются устойчивыми специфическими модусами мышления и поведения, связанными непосредственно с избираемыми ими интеграционными стратегиями. Логика местных властей, взаимодействующих с иммигрантскими сообществами, в данном контексте прослеживается также весьма хорошо. Поддержка этнической интеллигенции позволяет удовлетворить многие этнокультурные потребности иммигрантских сообществ, но предполагает выделение дополнительных средств, у этнической интеллигенции не имеющих. Общение с этническими госслужащими дает возможность создать для конкретного иммигрантского сообщества образец интеграции, не затрачивая на это практически никаких средств. Однако характер взаимодействия этнических госслужащих и их «родных» иммигрантских сообществ может не позволить «достучаться» до сообществ посредством госслужащих. Взаимодействие местных властей и этнических бизнесменов представляется, поэтому, как наиболее перспективное политическое направление. Этнические бизнесмены не требуют дополнительных капиталовложений в свой бизнес у местных властей и одновременно выступают на их стороне, всячески поддерживая идеи предельной интеграции представителей своего иммигрантского сообщества в местное. Уровень погружения этнических бизнесменов в дела иммигрантских сообществ также является достаточным для того, чтобы осуществлять непосредственную коммуникацию между сообществом и властями.

Вместе с тем, властные структуры, стремящиеся, как правило, сохранить нейтральность в отношении иммигрантских сообществ, очень часто предпочитают общаться с наиболее доступными во всех отношениях этническими общественниками, тем более что последние сами стремятся вступить с властью в предельно широкий контакт. Именно эта логика и препятствует процессам интеграции иммигрантских сообществ в местное сообщество: этнические общественники, представляющие все этнокультурное сообщество, могут блокировать неугодные им виды коммуникации, в результате чего значительная часть иммигрантского сообщества может оказаться «неохваченной» вообще; при этом власти упускают из виду «болевы точки» иммигрантских сообществ, а их работа с местным сообществом по налаживанию и развитию социальной коммуникации с иммигрантскими сообществами становится поверхностной и формальной. Отсюда работа местных властей с иммигрантскими сообществами должна носить более упорядоченный и адресный характер, а ее цели и задачи, главная из которых – интеграция любых иммигрантов в местное сообщество, – более осознанными и принципиально выдерживаемыми.

Перспективы интеграции всех иммигрантских сообществ достаточно велики. Каждое из них при определенных условиях способно за достаточно короткий промежуток времени (в среднем за 10-15 лет) достичь как минимум второго – органического – уровня интеграции. Двумя определяющими факторами в этом процессе являются следующие:

- 1) создание благоприятных условий для развития и укрупнения этнического бизнеса, который, преследуя свои «корыстные интересы», будет изначально настроен на максимальную интеграцию в местное сообщество;

- 2) привлечение представителей иммигрантских сообществ к решению общегосударственных задач, что позволит сформировать чувство сопричастности к новой родине и ответственности за состояние ее дел.

Политика, не отвечающая этой логике, приведет к противоположным результатам. Иммигрантские сообщества замкнутся в себе, и местное сообщество окажется разделено на ряд несовместимых, а в некоторых случаях и откровенно враждебных друг к другу сообществ, что едва ли будет содействовать прогрессивному развитию российского государства.

¹ См.: Борисов А.А., Василенко Ю.В. Иммигрантские сообщества в России: модели интеграции. Екатеринбург; Пермь, 2007. С. 10-11.

² Очевидно, к армянскому сообществу должно быть присоединено грузинское, и вместе они вероятнее всего могли бы составить особую, христианско-кавказскую, модель из общей христианской модели могла бы быть выделена славяно-христианская модель. Что касается мусульманской модели, то ее можно разделить на мусульманско-кавказскую и мусульманско-среднеазиатскую модели. Однако этнокультурная композиция Пермского края подобных возможностей не предоставляет: соответствующие иммигрантские сообщества на его территории еще не проявили себя в достаточной степени.

³ Это не означает, что каждый индивид – представитель того или иного сообщества – должен мыслить и поступать в соответствии с заданной моделью. Индивидуальная реальность является значительно более разнообразной.